

УДК 323.38

ББК 90.043.3

ГСНТИ: 03.81.37

Код ВАК 07.00.09

И.В. Даренская

Нижний Тагил

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТНОГО И
НИЗОВОГО ДИСКУРСА: ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТСКОГО
ПЕРИОДА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое пространство, властный и низовой дискурс, информационный подход, интерпретационные особенности документа.

АННОТАЦИЯ: В статье ставится проблема интерпретационного потенциала документов советского периода. Рассматриваются возможности применения дискурсивных теорий, информационного подхода как методологии исследования источников 1920-1930-х гг. Рассматриваются основные источники для анализа политического пространства властного и низового дискурса.

I.V. Darenskaya

Nizhniy Tagil

**POLITICAL SPACE OF POWER AND LOWER
DISCOURSE: INTERPRETIVE SPECIFICITIES OF THE
SOVIET PERIOD DOCUMENTS**

KEY WORDS: political space, power and lower discourse, informational approach, interpretive specificities of the document.

ABSTRACT: The article is aimed at the problem of interpretive potential of the soviet period documents. The author analyses the opportunities for usage of discursive theories, informational approach as the methodology for analysis of sources of 1920s and 1930s. The main sources for analysis of political space of power and lower discourse are studied.

Советский период является длительным временным отрезком, в течение которого произошла существенная трансформация механизмов взаимодействия власти и общества. Особым переломным этапом стали 1920-е-1930-е гг., когда в стране сформировалось специфическое политическое пространство, в границах которого согласовывались позиции власти и населения, вырабаты-

тивались новые стратегии поведения, концептуализировалась символика официального властного сленга и «наивного» языка населения.

Сложность и многоаспектность первичной информационной среды советского периода определила необходимость расширения исследовательских подходов к изучению исторических источников, но, в условиях современного методологического плюрализма, определяющую роль в ее концептуальном осмыслении играет не столько поиск и отбор документов, сколько угол зрения на заявленную проблему и раскодирование выявленных текстов.

Как отмечают Г.В. Можаяева и Н.А. Мишанкина, рассматривая информационную сущность исторического источника, следует признать, что информация содержится как в тексте в открытом и латентном состоянии, так и в самом носителе, в контексте, в личности создателя информации [5]. Субъект отражает реальность и сам отражается в источнике, т. е. выступает как отражающийся объект. Таким образом, источник – это результат информационной деятельности субъекта по отбору, накоплению, переработке и кодированию информации и поэтому отражает специфику его мировоззрения, его картину мира.

Наиболее широко раскрыть потенциал документов советского периода позволяют несколько методов, например, использование информационного подхода, при применении которого акцент ставится на изучение информационного взаимодействия, представляющего собой 2 этапа: 1) информационное взаимодействие на этапе создания источника; 2) информационное взаимодействие на этапе прочтения источника историком. На первом этапе источником информации является сама эпоха, приемником – автор будущего исторического источника. В качестве источника информации выступает объект прошлого, сведения о котором фиксируются в источнике. На втором этапе источником информации служит уже исторический источник, а в качестве приемника информации выступает историк [4].

Не менее продуктивным является использование дискурс-анализа, который, в отличие от контент-анализа, предполагает декодирование источника, изучение механизмов и форм воздействия текстов на аудиторию, их коммуникативных стратегий.

Поскольку понятие дискурса полисеманлично, ракурс его интерпретации зависит от традиций и контекста применяемой методологии (например, различная трактовка дискурса дается в рамках теории речевых актов, конвенциональном анализе, лингвистическом дискурс-анализе, коммуникативных подходах социолингвистики). В рамках данной статьи ограничим поле исследования политическим дискурсом, трактуемым как система знаков (вербальных и невербальных), при декодировании которых информация обретает политический смысл, а коммуникация оборачивается тем или иным действенным эффектом, становясь политическим событием [3. С. 29].

Основой изучения политического пространства 1920-х-1930-х гг. является анализ корпуса текстов, выступающих трансляторами бытующего в обществе политического дискурса, а также конструируемых, артикулируемых и разделяемых политико-символических убеждений, отражающих определенную социальную позицию субъекта в дискурсивном поле. Используя терминологию М. Пеше, это идеологические формации, представляющие собой репрезентацию политических установок, содержащих определенные позиции участников коммуникации, их социокультурный опыт [6. С. 560]. Учитывая специфичность документов советского периода, каждый компонент текста необходимо исследовать на двух уровнях: микроуровне, на котором анализируются семантические элементы, значения слов и предложений, отношения между ними, стилистика и риторика конструкторов, дискурсы «умолчания», то есть высказанные, но при этом не проговоренные выражения, доносящиеся до сознания «внутренним голосом», а также на макроуровне, где анализ текстов позволяет раскрыть социально-политический, культурный и психологический контекст коммуникативного акта политического взаимодействия.

Классифицируем и охарактеризуем особенности текстовых баз исследований советского периода, куда включаются источники властного (официального) и низового (городского) дискурса, расставляя акценты на их интерпретационном потенциале.

Наиболее значительным по объему является комплекс нормативно-законодательных материалов, которые не только «узаконивали» выбранный курс форсированной модернизации, но и, ориентируясь на представления и ожидания общества, существен-

но корректировали их, изменяя или усиливая отдельные аспекты коммуникативного акта. Директивы высших органов государственной власти в большей степени отражали догматизированные представления о реальности, в отличие от сопутствующих им циркуляров советских органов регионального звена, в которых официальные идеологемы совмещались с реалистической оценкой ситуации и более активно циркулировали в политическом коммуникативном пространстве.

Вторым по объему является комплекс делопроизводственной документации, в который входят несколько групп: 1) организационно-распорядительные материалы (распоряжения, циркуляры, инструктивные письма), сочетающие идеологический, нормативный и конкретно-ситуативный аспекты управления, призванные регламентировать подготовку и ход основных мобилизационных мероприятий (отчетно-перевыборных и «выдвиженческих» кампаний, кампаний по чистке советского аппарата и рядов ВКП(б), кампаний по повышению производительности труда, «займовых» и военно-патриотических кампаний и др.); 2) основные документы официального дискурса - протоколы и стенограммы партийных, советских, общественных и профсоюзных организаций. Протоколы данных форумов, тексты речей присутствовавших на них представителей властных структур, непосредственные отклики, выступления на прениях, комментарии самих рядовых участников являются важным источником информации, поскольку позволяют выявить преломление политики властей в сознании людей. Исследовательская оценка информативности и репрезентативности этих материалов является дискуссионным вопросом среди историков, что обусловлено спецификой данного источника. Поскольку в 1920-х - 1930-х гг. существовала практика организованного (коллективного) обсуждения основных законопроектов и постановлений партийно-государственных органов, в рамках которой не допускалась свободная интерпретация политических текстов, то ряд авторов, акцентируя внимание на политической конъюнктуре и на том факте, что в документах отражена идеологическая оценка событий и процессов, доказывают низкую информационную ценность данного источника с минимальным содержанием информации, соответствовавшей реальным представлениям людей. При этом необходимо отметить, что в

текстах протоколов и стенограмм политических форумов, кроме констатации одобрения политики партии и советского правительства, выражения доверия к властным институтам, перепоручения им функций управления пролетарским государством, фиксируются также и отклонения от идеологических формулировок и клише официальной пропаганды, содержатся критические оценочные суждения о ходе и проблемах реализации форсированного курса развития страны.

Особый интерес в текстовом комплексе делопроизводственной документации представляют информационно-аналитические материалы органов политического контроля. Необходимо понимать, что собираемая информация предназначалась не для приведения политики власти в соответствие с общественным мнением и не для того, чтобы заручиться поддержкой населения, а использовалась в формировании и «вращивании» «нового человека», поэтому надзор за населением был предназначен не просто для выявления мнений и настроений населения, его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей для их изменения [1. С. 47]. В этом случае мероприятия по надзору включали в себя не только попытки сбора информации о настроениях населения, но и меры по трансформации этих настроений, что представляет особый исследовательский интерес. При этом необходимо отметить, что материалы, содержащиеся в информационных сводках ВКП(б) и ОГПУ – своеобразном мониторинге общественного мнения, обладают существенной долей субъективности, поэтому к их прочтению необходимо применять критический подход. Часть историков считает данный источник недостаточно репрезентативным, акцентируя внимание на том, что контрольные органы для поддержания мнения о собственной необходимости сознательно «сгущали краски», акцентируя внимание на негативных реакциях населения на действия властей, выражаемых в специфических моделях поведения и вербальных акциях, но концентрация негативной информации не умаляет информационной значимости сводок, для объективной оценки которой необходимо сопоставлять их содержание с материалами других видов источников, а также применять альтернативные подходы к интерпретации источника.

Еще одну текстовую группу документов советского периода представляют статьи, речи, выступления высших партийных и государственных деятелей на съездах ВКП(б), пленумах ЦК ВКП(б), Всесоюзных съездах ударников, партийных конференциях различного уровня, в которых отражены не только приоритеты внутривнутриполитического развития, но и личностная оценка методов и путей реализации курса на развитие страны. Как отмечает С.И. Быкова, к этим документам необходимо применять не традиционный ракурс интерпретации, а «дискурсивный», рассматривая исследуемые тексты как «письмо власти», имеющее конкретного адресата и по этой причине обладающее разнообразными средствами воздействия на него [2. С. 11]. Изучение содержания официальных текстов позволяет реконструировать процесс формирования социальных мифов, эталонов политического поведения и моделей трудового активизма, являвшихся существенным элементом практики манипулирования общественным сознанием.

Не менее важной текстовой базой является периодическая печать, анализируя информационную ценность материалов, которой необходимо учитывать существенное влияние официальной позиции властей, на содержание публикуемых текстов. Так, в информационной политике, проводимой как на страницах центральных изданий («Правда», «Рабочая газета»), так и региональных изданий («Уральский рабочий», «Рабочий», «Пролетарская мысль», «Пролетарий», «Звезда», «Красный Курган», «Красное Прикамье») и заводских «многотиражках» («Красный каталь», «Смычка», «Гудок»), учитывались ментальные установки населения на восприятие готовых оценок происходящих событий (в силу ограниченности культурного потенциала и недостатков в политической подготовке), сознательно и в определенном ключе интерпретировались факты внешнеполитической ситуации и события внутренней жизни, формировались стереотипы представлений о них. Использование подобных газетных сообщений, непротиворечащее источниковедческим канонам, позволяет путем привлечения не только «исторически-верных», но и ложных газетных публикаций, выявить, как, независимо от качества информации, они воздействовали на массовое сознание, способствовали формированию и распространению мифологем советской идеологии.

Особых подходов и методов изучения требует следующий

текстовой комплекс документов советского периода, представленный материалами низового дискурса - источниками личного происхождения (автобиографиями, письмами, ходатайствами, жалобами и заявлениями), направляемыми в областные и союзные органы исполнительной власти, адресованные руководству ЦК ВКП (б), лидерам партии и государства. Будучи коммуникативным способом решения насущных вопросов повседневной жизни, клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства, «письма во власть» содержат информацию о непосредственных контактах людей с институтами и представителями власти; о противоречиях во взаимоотношениях между отраслевыми структурами и трудовыми коллективами, между рабочими и администрацией предприятий; об идейных разногласиях среди коммунистов, о конфликтах между рядовыми членами ВКП (б) и партийными функционерами. Содержащаяся в письмах информация о социальных явлениях и процессах, о взаимоотношениях в производственных коллективах, партийных ячейках, семье, городской среде, характеристика моделей поведения, оценок внутривластного курса развития страны, высказанная конкретными представителями городского социума, позволяет реконструировать различные стереотипы механизма взаимодействия власти и населения на местах. В советский период в условиях отсутствия присущих демократическому обществу форм диалога государства и общества, апелляция «к властям предрешающим» при помощи заявлений, петиций, жалоб являлась суррогатным заменителем обратной связи, способом общения с государством и воздействия на власть. Но при этом необходимо учитывать, что человек, «пишущий во власть», ориентировался на определенные клише и стереотипы, которые, по его мнению, позволили бы ему рассчитывать на понимание со стороны адресата «письма». К сожалению, постепенное «разучивание языка власти» вытесняло из сознания индивидуальное восприятие событий, что снижает информативность источника, поэтому требует его корреляции с другими текстовыми комплексами, в частности с формами городского творчества: частушками, стихотворениями, пословицами, песнями, которые отражают индивидуальное и коллективное восприятие курса власти, а также приоритеты массового сознания, мотивы социального поведения, которые фиксировали кардинальные социально-политические изменения в

обществе.

Дискурсивный материал содержится и в источниках, визуализирующих образ эпохи: образцах наглядной агитации (плакатах, листовках, транспарантах), карикатурах, коллекции сюжетных фотографий; портретах ударников труда, почетных грамотах, благодарственных письмах. Каждый из перечисленных источников представляет собой знаковую кодограмму, осуществляющую роль транслятора культурного, социального и политического опыта, раскодирование которой возможно при условии исследования символической системы источника как текста, что позволяет выделить качественно новое знание.

Таким образом, документы советской эпохи являются ценными источниками, обладающими значительным интерпретационным потенциалом и существенной долей скрытой информации, что требует применения тщательного источниковедческого анализа и использования междисциплинарных методов изучения.

Литература:

1. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001.
2. Быкова С.И. Политические представления советских людей в 1930-е годы (на материалах Уральского региона): автореф... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.
3. Многообразие политичного дискурса. Екатеринбург, 2004.
4. Можаяева Г.В. Информация в истории: исторические аспекты информатиологии // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2002. № 29.
5. Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. Информационный потенциал историографического источника в свете теории информации // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». Вып. 2. 2012 г. URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/content/index.htm>.
6. Семиотика. Антология. Екатеринбург, 2001.